

Петру Груздеву по утрам вменялся в обязанности уход за курами. Так они решили с женой. Пока Галина проводит в стадо Буренку, Петр в это время три противня с зерном в ограде поставит. Две старые сковороды наполнит водой, после чего в курятнике открывал дверь и выпускал птицу на волю, которая с разбегу набрасывалась на корм. Петр не жалел пшеницу. Пусть клюют – тешатся. Набирают в весе. Бройлеры хорошо растут. Не по дням, а по часам. Груздев благодарил того, кто придумал такую мясную породу. Не вслух, а про себя.

Жена тоже довольна. Чего быть недовольной, когда уход, по сравнению с другой птицей, с теми же гусями или утками, небольшой, а мяса на зиму почти столько же выходит. Не только себе, но и дочери с сыном в город хватает.

В это утро Петр не предвидел каких-либо перемен в своем хозяйстве. Но они произошли. Когда куры из сарая выбежали во двор, Петру показалось, что их мало. Он бы не обратил на это внимания, если бы второй петух выскочил. Его-то как раз и не хватало. С ярким окрасом, он всегда бросался в глаза. А тут не показался. У Петра и Галины он был на особом счету. Старого петуха, который

с годами обленился кур топтать, хотели заменить молодым. У него для этого были все задатки быть хозяином курятника. Хоть и молодой, но нет-нет, а делал попытки на курочек прыгать. Правда, с кукареканьем не всегда вовремя получалось. Иногда путал день с ночью. Но голос имел звонкий и красивый. Лучше, чем у старого, от которого он учился, как курочек пасти, держать их под контролем. Как для них червячков искать.

Оттого, что не увидел петушка, Петр в тревожном состоянии зашел в курятник. От увиденного ноги подкосились. На полу лежали двенадцать курочек. А среди них и молодой петушок. Рядком лежали, словно спали. Петушок с приоткрытым клювом. Словно хотел кукарекнуть, но не успел. Смерть его так и настигла.

Раньше такого не случалось. Ну, терялась одна курица. Другая и то еще цыпленком. То коршун своими огромными когтями сцапает. То крыса утащит. Но такое! И главное, что Петру бросилось в глаза: не было внешних повреждений. Он присел на коленях, брал поочередно в руки каждую из курочек и внимательно осматривал: на шеях капли крови.

Петр вышел с подворья и сел на лавку возле палисадника.

Вытащил из кармана куртки сигарету, закурил, продолжая осмысливать случившееся. Достал еще одну. Раньше с ним такого не было, курил редко и без особого желания, как он говорил Галине: «Для приличия. Чтобы на мужика походить».

Из соседнего дома вышла Екатерина, шустрая женщина, чернявая, словно цыганка. Она давно разошлась с мужем и все хозяйство взвалила на свои плечи, держала скотину, имела небольшой огород. По молодости она нравилась Петру. Когда приходила к Галине по домашним делам, бывало, что Груздев подолгу оставливал на ней взгляд. Любовался, словно картиной.

Видя такое дело, Галина не мужа, а соседку однажды предупредила:

– Катерина! Запомни, если между Петром и тобой что-то произойдет – я тебе все волосы выдеру.

Об этом разговоре Петр узнал от жены, но интерес к соседке какое-то время продолжал проявлять, когда Галины рядом не было.

Подойдя к поленнице, чтобы набрать охапку дров для бани, она поздоровалась с Петром:

– Что сидишь, как обухом огретый?

Груздев промолчал. Не до шуток было. Он поманил Екатерину пальцем:

– Подойди сюда. Увидишь...

Осмотрев несколько кур, та сделала вывод: «Это хорек или колонок натворил. Любят эти зверьки полакомиться кровью».

Петр не знал, как об этом жене сказать. Узнает, сильно расстроится. Петушок ей очень нравился. Часто повторяла: «Таких красивых я еще не видела. Хоть картину с него рисуй».

Петр, не разуваясь, вошел в дом. Молча сел на лавку рядом с бочком воды. Галина на кухонном столе стряпала беляши. Одна партия со сковороды была снята и дожидалась мужа. Ловко работая руками, Галина мяла тесто.

– Чего обутой-то зашел, – упрекнула она мужа. – Иди, разувайся да садись к столу, пока все горячее.

Беляши Петр любил. Особенно с молоком. Когда Галина была в настроении, она всегда их пекла. Когда нет, то обходился тем, что находил в холодильнике.

– Что-то не хочется есть, – проговорил Петр со вздохом, не зная с чего начать разговор.

– Садись, пока горячие, – повторила она. – Зачем соседка приходила?

– По делам, – после сказанного Петр отвел глаза в сторону, словно в чем-то был виноват перед женой.

– Это какие же у тебя с ней могут быть дела? – прищурился Галина, уставилась жена на мужа.

На ее вопросы Петр не стал отвечать. Ее слова пропустил мимо ушей. О другом начал:

– Ты знаешь, что у нас нет больше молодого петушка, – проговорил он с грустью.

– Как нет? – насторожилась Галя, прекратив работу.

– Где же он?

– Нет больше, – повторил Петр. – Его и двенадцати курочек. Какой-то зверек задушил.

Отложив дела, Галина как была в кухонном фартуке, так и выскочила на крыльцо. Надевала глубокие галоши и выбежала во двор, где оставшиеся куры спокойно клевали из противней зерно. Петр кинулся за ней.

Окинув их взглядом, не увидела петушка. Подняла на Петра глаза, спросила, меняясь в лице:

– Где он?

– Там, – кивнул муж бородой на курятник и первым направился к нему. Галина поспешила следом.

Увидев кур и петушка, она заплакала-запричитала:

– За что ж на нас такое горюшко навалилось? Сколько труда в вас было вложено, и все пошло прахом.

– Зверек задавил, – снова пояснил Петр.

– Какой зверек? – уставилась она на мужа.

– Я почему знаю, – ответил Петр. – Установить придется. Если б хоть одну задушил да съел. А то ведь только кровь высосал!

– Как высосал? – сузила Галина глаза, словно чего-то пугаясь.

– Так. – И Петру пришлось показать капельки крови на шеях птиц. Показ начал с петушка. Галина прижала его к груди. Поглаживая, запричитала:

– Как же так, Петя? Кто же теперь нас будить станет?

– Старый разбудит, – проговорил Груздев.

– Старый так не сможет, – тихо произнесла Галина. – У него голос от времени подсел. Не всегда услышишь.

– Другого на замену вырастим, – пытался успокоить Петр жену.

– Нет. Такого больше не будет, – продолжая гладить петушка по золоченым крыльям, то и дело повторяла Галина.

Чтобы зверек не порешил оставшуюся птицу, Петр устроил на него охоту. Решил взять живьем. В большой металлической клетке, в которой весной держал цыплят, он сделал небольшую дверь-ловушку. Только зверек окажется по ту сторону клетки, дверь в миг захлопнется. Обратного выхода нет.

Капканы он ставить не захотел по той причине, что в них мог попасть свой рыжий кот – Васька. Или соседская кошка Василиса, которая иногда приходила к Ваське в гости. Могли попасть и изувечить ноги. Капкан он и есть капкан. Если резко щелкнет, то и вовсе может отсечь ногу. А ловушка – другое дело. Будет держать зверька до тех пор, пока хозяин не подойдет и не вытащит его из нее. Целехоньким и невредимым.

Клетку-ловушку Петр установил с тыльной стороны сарая, что выходила к озеру, заросшему по берегам мелким кустарником и травой.

Механизм двери-ловушки взвел на ночь. В светлое время никто не полезет в пустой курятник. К тому же днем и народ ходит. А ночь – самое подходящее время для охоты. Об этом каждый зверь знает.

Внутри клетки Петр пристроил дощечку на растяжках, на нее положил несколько пескарей и колбасу для запаха. Рыбу сачком ловил по другую сторону дамбы, что регулировала уровень воды в озере. Вода вместе с рыбешкой через трубу проходила на другую сторону запруды и оседала в ямах.

Спать Петр лег в веранде. На тот случай, если зверек попадет в ловушку, а хуже того, проникнет к курицам и устроит там погром, то можно сразу выскочить. Лег, не раздеваясь, в трико и футболке. Несколько раз вставал за ночь. Курил на крыльце. Любовался своим двором при луне. Пытался заснуть, но ничего не получилось. Так и промучился до утра.

Вторая ночь прошла в таком же режиме.

– Пока не проголодается, вряд ли придет, – сделала вывод Галина. – А может, и вовсе не появится.

ся, зная что натворил и как за это придется отвечать. Звери тоже все понимают.

– Может, и чувствуют, – согласился Петр с женой, но спать продолжал в веранде.

Он уже не надеялся на удачу, как на третье утро подошел к клетке и глазам не поверил. Забившись в угол, в ней сидел темно-коричневый незнакомец с быстро бегающими злыми глазами. Груздев присел на корточки, чтобы лучше его рассмотреть, но зверек угрожающе фыркнул и, словно сжатая пружина, резко кинулся на человека. Благо, сетка удержала. А так бы когтями вцепился в лицо Груздеву, который от неожиданности упал на спину. Поднялся. Отряхнулся и посмотрел на зверька, который застыл в напряженном состоянии и готов был снова броситься на него.

Незванный гость был красив! Вытянутое туловище. Пытливые глаза, которые реагировали на каждое движение Груздева. Какое-то время Петр стоял и любовался им. А пленник продолжал изучать его, понимая, что дальнейшая судьба будет зависеть от этого человека. Колбаса и рыба валялись на полу нетронутыми.

Петр подошел к ограде соседки и крикнул в открытую дверь сенок:

– Катерина! Выйди на минутку.

Позвал не зря. Она когда-то работала на звероферме и толк в зверях знала.

– Что стряслось? – вытирая руки о фартук, вышла она к калитке.

– Иди посмотри, какого зверя поймал. Поймать-поймал, а как звать, не знаю.

Когда они подошли к клетке и Екатерина увидела зверька, забившегося в угол, она всплеснула руками и воскликнула:

– Воротник сам домой пришел! Норка это! Из самых хороших пород. Ее мех очень ценится. Все куриные затраты оправдаются.

– Может, и так, но Галине петушка жалко. Не один в округе так не кукарекал, как наш, – с сожалением произнес Петр.

– И петушка оправдает, – сказала Екатерина, чем немного успокоила Груздева.

Когда соседка ушла, повеселевший Петр зашел в дом и, едва сдерживая радость, проговорил:

– Пока ты кухонными делами занималась, я тебе хороший воротник поймал!

Приняв разговор за шутку, Галина сказала:

– Не надо мне никаких воротников. Как-нибудь в стареньком прохожу. Мой руки да за стол садись. Борщ сварила да блинов напекла. Ты их давно просил.

– С обедом подождем. Пойдем со мной, – настойчиво попросил Петр. – Я тебе такой сюрприз сделал, от которого ахнешь!

– Это какой же? – загоревшись желанием посмотреть выдумку мужа, проговорила Галина, выходя из дверей следом за Петром.

– Вот полюбуйся, – когда подошли к клетке, произнес Петр.

Увидев зверька, Галина в ярости крикнула:

– Эта тварь наших курочек с петушком извела, – и со злобой шархнула кулаком по клетке, отчего пальцы на руке разбила до крови. Унимая боль подула на них. Когда полегчало, еще раз посмотрела на зверька и спросила:

– Куда его девать? – и подумав, добавила: – Убей да в кусты за мост выброси. Вороны там быстро с ним разделаются.

– Это норка, – пояснил Петр. – Не просто норка, а зверек самой

хорошей породы. Екатерина так сказала. Если до зимы покормить, а по снегу ее забить и пустить шкуркой на продажу – большие деньги можно поиметь. Покроются все затраты и на кур, и на петушка.

– На курочек, может, и покроются, – горько вздохнула она, – а петушка нет. Каким он был, таких не сыскать.

С появлением норки хлопот Петру прибавилось. Клетку он перенес в дровяник, под навес, чтобы дождь не мочил и подальше от солнечных лучей. Каждый день с сачком ходил к дамбе на рыбалку. Чтобы мех был хорошим, Екатерина посоветовала, чем ее кормить. Большую часть еды составляла рыба, которая норке нравилась. С судьбой, через какое-то время, она смирилась. Из дикого зверька превращалась в домашнего.

Когда Петр приносил еду, она становилась на задние лапки, а передними упиралась на решетку клетки. В знак благодарности смотрела не на чашку с едой, а Петру в глаза, словно хотела по ним распознать – что же он за человек? Галина редко подходила к клетке. При воспоминании о погубленных курах с петушком, ей плохо становилось, начинала болеть голова, и давление подскакивало.

Шкурку зверька они решили не продавать, а сделать дочери сюрприз к Новому году. Выделать и вручить воротником к новому пальто.

– Людка обрадуется такому подарку, – однажды проговорила Галина.

– Чего бы не порадоваться? – поддакнул Петр. – Не у многих такие воротники есть.

– А я и с лисьим похожу, – смирилась жена. – По деревне

ходить и этого хватит. Зачем мне наряжаться-то?

Петр не согласился с доводами жены. Сказал скупо:

– В деревне тоже наряжаться надо. Хорошо одетая женщина по-другому смотрится. На нее и поглядеть приятно.

– Вот как! А я гадаю-думаю, почему ты со смной не спишь? Оказывается, все это время на хорошо одетых женщин смотришь, – съязвила жена. – Не на Катерину ли, случайно? Она умеет одеваться. Нарядится – от городской не отличишь.

– Да что ты привязалась к Катерине, – вспылил Груздев. – Надоело одно и то же слушать.

– А то. За свое счастье я постою. Не только волосы, но глаза выдеру.

В середине октября выпал зазимок. Снег лежал несколько дней и растаял. Снова установились сухие дни. Правда, прохладные. Осень свое брала, срывала с деревьев оставшиеся листья. Гнала по серому небу на юг клинья журавлей. Словно спешила навести в природе порядок и сдать зиме свои полномочия.

Несмотря на перемены в погоде, Петр продолжал ходить на рыбалку. Наловит пескарей, сядет на низкий стульчик у клетки и подает норке рыбешек через крупную ячейку. За последнее время она еще больше привязалась к Груздеву. Брала корм из его руки. После еды с благодарностью смотрела ему в глаза. Вытрет лапками рот, после чего свернется колечком на тряпке-подстилке и следит за Петром, пока он не уйдет. Мех на ней уплотнился и отдавал шелковистым блеском.

Надвигающиеся холода Петра пугали. Галину радовали. Она с нетерпением ждала того дня, ког-

да увидит дочь в новом пальто, с новым норковым воротником.

А Петр привык к зверьку и не хотел с ним расставаться. Часто появлялся у клетки, любуясь незваной гостьей. Иногда слезы наворачивались от таких посиделок.

Словно понимая состояние хозяина, норка хитроватыми глазами смотрела на него и как бы успокаивала: «Не волнуйся! Что-нибудь придумаем!»

И однажды утром, пока Галина управлялась в доме, Петр придумал. Перегнал зверька из большой клетки в маленькую. Он часто это делал, когда в домике норки наводил порядок. Клетку поставил в машину на заднее сидение. Зверюшка покрутила головой по сторонам, изучая салон, после чего легла и успокоилась.

Первое время машину трясло на неровностях. В страхе норка забилась в угол клетки.

Проехав километров пятнадцать по трассе, Груздев свернул на проселочную дорогу, ведущую к реке. Остановился на опушке соснового бора.

Вышел из «Жигулей». Закурил, любуясь зеленым нарядом сосен, которые сейчас смотрелись по-особому ярко, не вписываясь в акварель осенних красок.

Придавив ногой окуроч, Петр взял из машины клетку. Отошел с

ней в сторону реки. Открыл дверцу и выпустил норку. Она отбежала несколько метров и остановилась, повернувшись в его сторону, словно спрашивала: «Что дальше-то делать?»

Петр смотрел на нее и тихо уговаривал: «Ну, беги! Беги в лес. Там тебе и вода рядом. Мыши и другая живность. Чего тебе в неволе-то томиться...»

Норка и с места не тронулась.

Груздев похлопал в ладоши, пытаясь отогнать ее подальше от себя. Норка сделала три длинных прыжка и снова остановилась, продолжая смотреть на него.

Петр еще раз похлопал. Она еще отскочила на несколько метров и опять остановилась. Он быстро сел в машину, отъезжая, не выдержал и оглянулся: зверек стоял в раздумье, среди жухлой травы. Потом сделал несколько прыжков и кинулся догонять машину. Когда «Жигули» выскочили на трассу, Груздев включил повышенную передачу. В зеркале заднего обзора он увидел, как норка распласталась в беге, словно летела за машиной. Летела до тех пор, пока не исчезла из вида.

«А воротник мы Людке купим. Подсоберем денег и купим», — думал Груздев, глядя на дорогу, которая ровной лентой надвигалась на него с бешеной скоростью.